

RU

Концептуализация изгнания как первичной формы наказания в древнеанглийской лингвокультурной традиции

Комкова А. С., Аникина А. А.

Аннотация. Целью исследования является реконструкция концепта ИЗГНАНИЕ в древнеанглийской лингвокультурной традиции. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые концепт ИЗГНАНИЕ был изучен на материале правовой лексики англосаксонской культуры в период ее формирования, раскрыто его понятийное содержание, представляющее собой систематизацию признаков: наказание, лишение прав и свобод, потеря человеческого облика, страдание, одиночество, странствия, жалкое существование. В результате был представлен процесс концептуализации изгнания с привлечением широкого филологического и этнокультурного контекстов. Выявлены и описаны выработанные культурные паттерны поведения, отклонение от которых могло привести к низведению представителя любого класса англосаксонского общества VII-XI вв. до положения изгоя. Исследованы языковые средства выражения всех составляющих практики изгнания, включая номинации действия по исключению индивида из общества, самого изгоя, его отличительных характеристик (признаков), мест и обстоятельств изгнания. Проведен анализ семантического наполнения отобранных лексем, их контекстных связей и определено понятийное содержание концепта ИЗГНАНИЕ.

EN

Conceptualization of exile as a primary form of punishment in the Old English linguocultural tradition

Komkova A. S., Anikina A. A.

Abstract. The research aims to reconstruct the EXILE concept in the Old English linguocultural tradition. The research is novel in that it is the first to study the EXILE concept using the material of legal vocabulary of Anglo-Saxon culture during its formation, to reveal its notional content by the systematization of characteristics: punishment, deprivation of rights and freedoms, loss of human appearance, suffering, loneliness, wanderings, miserable existence. As a result, the process of conceptualization of exile taking into account a wide philological and ethno-cultural context has been presented. The authors have identified and described the cultural patterns of behavior deviation from which could lead to the relegation of a representative of any class of Anglo-Saxon society in the 7th-11th centuries to the position of an outcast. The paper studies the linguistic means of expressing all components of the practice of exile, including the naming units for the action itself, the outlaws, their distinctive features, places and circumstances of exile. The analysis of the semantic content of the selected lexemes, their contextual connections has been carried out and the notional content of the EXILE concept has been determined.

Введение

Концептуальные исследования сегодня в большинстве своем направлены на всестороннее постижение «своей» и «чужой» ментальности через изучение языкового сознания этноса, что в известной степени способствует снятию национально-культурных барьеров, возникающих при взаимодействии представителей разных этнических групп. Концепт трактуется как результат культурной жизни этноса разных эпох (Степанов, 2004, с. 42-43). Особо подчеркивается важность учета исторического развития семантического наполнения концепта: для вербализующих его лексем характерна культурно-историческая мотивация их семантического наполнения, или «культурная память», реконструируемая в процессе исследования, лингвистического анализа текстов письменных памятников, относящихся к древнему состоянию языка. В результате появляется возможность воссоздать картину мира этноса, его представления о себе и окружающем мире на определенном этапе. Особенно актуальным представляется изучение основополагающих концептов или «концептов –

констант культуры» (Степанов, 2004) с привлечением широкого филологического и этнокультурного контекстов (Комкова, 2017; Проскурин, 2023; Соснина, 2016) для расширения доказательной базы исследования, более точной интерпретации текста.

Актуальность настоящего исследования обусловлена растущим интересом к изучению связи между языком и культурой с непосредственным обращением к культурным паттернам, под которыми понимаются материальные ценности, верования, стереотипы поведения, правовые или обыденные нормы поступков членов общества, жанры и стили художественного творчества и т. д., характеризующие данную культуру и отличающие ее от других. Такой подход дает возможность глубже понять различные аспекты культурной динамики через их проявления в языке.

Рассматриваемый концепт ИЗГНАНИЕ представляет собой одну из аксиом изменяющейся картины мира англосаксов: постепенно «обрастая» новыми знаками в формируемой этносоциумом среде, концепт ИЗГНАНИЕ неизменно оставался важным ее элементом. Англосаксонским обществом VII-XI вв. были выработаны культурные паттерны поведения, вольное или невольное отклонение от которых могло привести к переводу любого его члена в положение социального изгоя.

Настоящая работа призвана решить следующие задачи:

1) последовательно рассмотреть такие формы наказания, как изгнание и «объявление вне закона», в применении к различным социальным слоям англосаксонского общества VII-XI вв., а также в праве других германских народов;

2) выявить языковые средства выражения всех составляющих практики изгнания из королевства: действия по исключению индивида из общества, самого изгоя, его отличительных характеристик (признаков), мест и обстоятельств изгнания;

3) провести анализ семантического наполнения отобранных лексем, их контекстных связей.

Достижение поставленной цели и решение задач в исследовании древнеанглийских текстов предполагают обращение к комплексу методов: *описательный метод*, включающий наблюдение, интерпретацию и обобщение материала источников; *семасиологический анализ*, определяющий понятийное пространство отобранных лексических единиц; *этимологический анализ*, позволяющий установить происхождение слов, их родственные связи, объяснить историю их возникновения; *концептуальный анализ*, раскрывающий понятийное и ценностное содержание исследуемого концепта; *сравнительно-исторический метод*, предполагающий сравнение отобранных лексических единиц во времени и между германскими языками с учетом социально-исторических факторов, ситуативной и контекстной обусловленности их значения.

Материалом для настоящего исследования послужили древнеанглийские письменные памятники VII-XI вв.:

- англосаксонская эпическая поэма “Beowulf” (Beowulf. <http://www.heorot.dk/beowulf-rede-text.html>);
- произведения лирической поэзии “The Wanderer”, “The Seafarer”, “The Wife’s Lament” (A Collection of Anglo-Saxon Poetry; From a Manuscript in the Library of the Dean and Chapter of Exeter / ed. by B. Thorpe. L.: Society of Antiquaries of London, 1842);

- тексты судебных кентских королей Этельберта, Хлотаря и Эдрика, Уитреда, законов уэссекских королей Инэ, Альфреда, Эдуарда Старшего, Гутрума, Этельстана, Эдмунда, Эдгара, постановлений короля Этельреда II, короля Кнута (Ancient Laws and Institutes of England; Comprising Laws Enacted Under the Anglo-Saxon Kings (etc.) / ed. by B. Thorpe. L.: Eyre und Spottiswoode, 1840);

- древнейшая летопись Англии “The Anglo-Saxon Chronicle” (The Anglo-Saxon Chronicle / trans. and ed. by G. N. Garmonsway. L.: Dent & Sons Ltd., 1955).

Анализ отобранных лексических единиц осуществлялся с использованием толкового словаря древнеанглийского языка (Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. Oxford, 1921); этимологического словаря (Online Etymology Dictionary. <http://www.etymonline.com/index.php>).

Теоретической базой исследования послужили труды С. Г. Воркачева (2020), В. И. Карасика (2002; 2023), В. В. Колесова (2004), А. С. Комковой (2016; 2017), С. Г. Проскурина (2023; Комкова, Проскурин, 2017; Проскурин, Проскурина, 2018), А. А. Сосниной (2016), Ю. С. Степанова (2004), В. В. Фещенко (2010), посвященные проблеме понимания концепта, подходам к его определению, структурированию и исследованию. Особое значение в интерпретации полученных лингвистических данных имеет обращение к работам С. В. Санникова (2011), С. Ю. Хатунова (2010), А. С. Ошонкова и В. С. Ковина (2014), С. А. Полякова (2016), Е. А. Шервуд (1988), дающим представление о культурной, религиозной и правовой специфике англосаксонского периода.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в нем результаты могут быть использованы при создании словарей и написании статей по семасиологии, лингвокультурологии, лингвострановедению, истории и лексикологии английского языка, а также послужить основой для спецкурсов, связанных с этими направлениями лингвистики.

Обсуждение и результаты

Сам факт наличия стереотипов поведения является этнической константой. Реконструкция же таких концептов англосаксонского периода, как МЕСТЬ, ВЕРГЕЛЬД, ИЗГНАНИЕ и СУД, позволяет проследить эволюцию понятийной структуры отдельных слов и словарного запаса языка в тесной связи с развитием представлений англосаксов о правомерном и неправомерном поведении, справедливом наказании за *пре-ступление* (переход

положенного предела) закона (Комкова, 2016, с. 11). Закон есть «предел свободе воли или действий». С этим значением связаны понятийные производные, такие как *преступник* – тот, кто «преступил» установленный предел; *враг* – тот, кто находится за пределами «мира своих», общества (рода, общины); *изверг* – тот, кто «извергнут» из общества (рода, общины) и уподобился дикому зверю. Причем др.-англ. *wrasi* «страдание, боль, наказание, месть», гот. *wrikan* «преследовать», русс. *врагъ, извергъ* произошли от одного и того же и.-е. корня *wreg- со значением «гнать, преследовать» (Степанов, 2004, с. 592-593).

Феномен изгнания как первичной формы наказания и практика «объявления вне закона», как отмечают специалисты (Санников, 2011; Хатунов, 2010; Ошонков, Ковин, 2014; Шервуд, 1988), тесно связаны, имеют универсальный характер и представлены в языке и праве не только англосаксов, но многих других народов.

Анализ текстов судебных королей и “The Anglo-Saxon Chronicle” свидетельствует о том, что изгоем в англосаксонском обществе мог стать представитель любого класса за совершенный проступок или неудовлетворительное выполнение возложенных на него функций, начиная от раба и заканчивая королем. Однако разница в обстоятельствах понесения наказания все же была.

Материал источников подтверждает утверждение специалистов (Хатунов, 2010, с. 58; Шервуд, 1988, с. 98) о том, что в англосаксонский период изгнание или высылка из королевства отождествлялись с такими наказаниями, как «объявление вне закона» или «продажа за море», но лишь по форме, не по содержанию. «Вне закона» объявляли или «продавали за море» в основном людей низкого происхождения за тяжкие преступления, в то время как изгнание или высылка из королевства представляли собой наказание знатных людей, которое чаще всего было добровольным и преимущественно связано с политическими преступлениями. Изгнание или ссылка представителей англосаксонской знати не означали их превращение в одиноких отшельников или в людей *caput gerat lupinum* («носящих волчью голову»), как если бы их объявили вне закона. Они также не теряли свободы, как в случае с продажей за море, имели верных вассалов, которые, как правило, сопровождали лорда или становились объектом насмешек в случае отказа.

Изгнание или высылка могли служить наказанием и для простых людей. Но это считалось очень строгим наказанием, поскольку человек лишался имущества и защиты родичей, превращался в иностранца (незнакомца) или даже «зверя». Так, согласно тексту постановлений короля Этельреда (X в.), человек, которого отлучили от общины, т. е. «изгой», рассматривался не просто как «человек вне закона» – др.-англ. *ut-laga* (совр. англ. *outlaw*), но и как «выродок», в мифологии подобный демону, в законодательстве – волку (здесь и далее перевод с древнеанглийского выполнен авторами статьи. – А. К., А. А.). Именно волк олицетворяет собой существо без рода и племени.

В материале текстов законов англосаксонских королей уточняется, что «объявлялись вне закона» и/или высылались из страны (если не могли искупить вину, заплатив, очистившись клятвой и т. д.): ведьмы, волхвы, блудницы – титул 4 законов короля Кнута Великого; убийцы – титул 6 постановлений королей Эдуарда Старшего и Гутрума, титулы 39, 41, 49 законов короля Кнута Великого; воры – титул 3 законов короля Эдгара I, титул I.1 судебного короля Этельреда II, титул 30 законов Кнута Великого. В частности, за убийство священника (дословно *weofod-ðen* – «служителя алтаря») «преступник перед Богом и людьми» (“*utlah wið God 7 wið men*”) наказывался изгнанием из рода и из страны (“*wrec-sið*”) либо длительной процедурой очищения и уплатой специального штрафа (Ancient Laws..., 1840, p. 399-401).

Изгоем мог стать не только человек. В эпосе “Beowulf”, где месть убийством и изгнание – единственно возможные формы наказания, говорится, что за свои грехи Грендель был «отвергнутым» Богом, «изгнанным» из мира людей существом, вынужденным влачить жалкое существование, изгоем. Грендель не умеет пользоваться оружием, не имеет отца, не платит вергельд («цену жизни») за убитых им датчан, а также убивает посреди ночи во время сна, что считается позором у германцев и карается изгнанием.

Кроме того, описание случая наказания в форме изгнания из общества за совершенное убийство находим в строках поэмы “Beowulf”. Король Хродгар рассказывает герою Беовульфу об его отце Эгтеове, который был изгнан за убийство и из-за страха всего племени перед кровной враждой, которая могла начаться в нем после этого преступления.

И все же наиболее часто изгнанию, лишению всех владений и любой собственности подвергались родственники короля и иные представители элиты знатного рода, активно оспаривающие власть короля или вынашивающие планы по его свержению. Изгоем у англосаксов мог также оказаться дворянин, против воли короля и духовенства взявший в жены монахиню или не оказавший должного уважения женщине знатного происхождения и позволивший себе, к примеру, с ней развестись, иными словами, нарушивший жесткий стереотип поведения. За это дворянин очень быстро лишался своих земельных наделов и был вынужден жить в изгнании. В “The Anglo-Saxon Chronicle” есть упоминание о том, что король Кенвалк прогнал свою жену, которая была сестрой короля мерсийцев Пенды, и взял себе другую, за что был изгнан из королевства на три года (Беда Достопочтенный, 658 г.) (The Anglo-Saxon Chronicle, 1955). Потерять трон и быть изгнанным собственным народом король также мог, если не был способен выполнять возложенные на него социальным окружением обязательства, как то: обеспечение победы в сражениях и предоставление щедрой награды для военной знати и захваченных в военных походах земель за верную службу.

Отдельную группу изгоев составляли нарушители указа короля, скрепленного печатью высшего духовенства и знати. Наказанием было не только изгнание, но и отлучение от церкви, что в те времена означало полное отчуждение человека от общества, обречение на выживание без надежды на помилование и дальнейшее достойное существование. По-видимому, именно из таких людей состояли шайки разбойников, мародеров и воров, среди которых могли быть и представители знати.

Еще одним социальным классом, не менее регулярно пополнявшим при определенных обстоятельствах ряды изгоев, было духовенство, представленное в англосаксонском обществе монахами (др.-англ. *munuc*), священниками (др.-англ. *preost*), аббатами (др.-англ. *abbod*), епископами (др.-англ. *bisceop*) и архиепископами (др.-англ. *arcebisceop*). Так, если священнослужители представляли угрозу для общества, совершив «тяжкое» преступление (чаще всего убийство), следовало изгнание или ссылка (“*wræcnige*”) либо уплата штрафа и тройное очищение (Поляков, 2016, с. 54-55). Подтверждение находим в титуле IX.26 законов Этельреда II, титулах 41, 43, 67 законов Кнута Великого (XI в.). Если же уплата штрафа и очищение не были выполнены, священнослужитель объявлялся «вне закона» (др.-англ. *utlah*) (Ancient Laws..., 1840).

По содержательному признаку выявленные на основе анализа древнеанглийских текстов лексемы, вербализующие концепт ИЗГНАНИЕ, могут быть разделены на следующие группы: лингвистические знаки-номинации 1) действия по изгнанию человека из общества; 2) непосредственно человека-изгоя; 3) характеристик (признаков) изгоев, их эмоционального, физического состояния, чувств; 4) мест, куда их изгоняют, обстоятельств изгнания.

Именем исследуемого концепта ИЗГНАНИЕ в древнеанглийском языке можно считать лексему *wræc* – «несчастье, страдание; страдание как наказание, возмездие; изгнание как наказание» (Bosworth, Toller, 1921, p. 1269), она чаще других лексем-репрезентантов встречается в изученных древнеанглийских письменных памятниках, преимущественно в поэтических. Данная лексема входит также в состав сложных лексем, таких как *wræcsip* и *wræclast*, в которых вторые корни *sip* и *last* означают «путешествие, странствие» и «путь» соответственно.

Кроме того, в рассмотренных текстах с семантикой «изгонять, принуждать к бегству, странствию» используются древнеанглийские глаголы: *wrecan* – «гнать, побуждать, толкать; изгонять, преследовать; наносить ущерб, мстить, наказывать» (Bosworth, Toller, 1921, p. 1272); *flyman* – «побуждать к бегству, прогонять» (Bosworth, Toller, 1921, p. 295); *wræcnian* – «находиться или путешествовать в чужой стране, странствовать; быть паломником или странником» (Bosworth, Toller, 1921, p. 1268).

Основной лексемой, называющей самого человека-изгоя, является др.-англ. *wræcca* (*wræcca*) – «тот, кого изгнали из своей страны, изгой, странник, паломник; негодяй, злой человек; несчастный, бедный человек; жалкое, слабое существо» (Bosworth, Toller, 1921, p. 1273). При этом в текстах законов англосаксонских королей разница между терминологическим обозначением «изгнанника» и «внезаконника» в некотором роде стерта, и в обоих случаях человек может обозначаться как *flyma* – «тот, кто бежит, беглец; ссыльный, преступник, человек, сбежавший после совершения преступления, бегство которого было равносильно осуждению» (Bosworth, Toller, 1921, p. 295) или *utlah* – «человек “вне закона”, преступник» (Bosworth, Toller, 1921, p. 1146). Однако при более обстоятельном рассмотрении самого содержания титулов законов можно сделать вывод, что термин *utlah*, появившийся под скандинавским влиянием, указывал больше на лишение прав и имущества. В материале поэтических текстов также встречаются номинации *ān-laga* («тот, кто действует один»), *eard-stapa* («странник, изгнанник») и *fāh* («преступник, виновный»), а в текстах судебных – *Godes-flyma* («преступник перед Богом»), *utlah wið God 7 wið men* («преступник перед Богом и людьми»), *Godes widdersaca 7 ut-laga* («враг и преступник для Бога»), *frip-lēas man* («преступник») и *a-mán-somod* («отлученный от церкви»), характеризующие изгоя как одинокого странника, виновного перед лицом Бога и людьми, отлученного от церкви.

Обращаясь к источникам, можно выделить целую группу древнеанглийских номинаций, репрезентирующих характеристики душевного и эмоционального состояния людей, попавших в положение изгоя. Семантический анализ отобранных лексем выявил, что изгой, как правило, влачил жалкое существование, был угнетаем душевными муками и подавлен горем. Наиболее часто в этом отношении используется прилагательное *cearig* (*carig*) – «осторожный, печальный, задумчивый, тревожный, скорбящий, ужасающий» (Bosworth, Toller, 1921, p. 149). Лексема *cearig* входит также в состав многих сложных слов, используемых для описания одного и того же чувства печали и тревоги: *ferhþ-cearig* («тревожный в душе»), *gnorn-cearig* («печальный»), *hreōw-cearig* («тревожный, печальный»), *mōd-cearig* («тревожающийся»), *earm-cearig* («жалкий, печальный»), *sorg-cearig* («угнетенный тревогой и печалью»), *winter-cearig* («печальный от груза лет»), что указывает на значимость данного признака. Так, переживания изгоя отражены в строках поэмы “The Wanderer”, где он описывается как жалкий (“*earm-cearig*”), изгнанный из своей страны (“*ēðle bidæled*”), разлученный со своими друзьями (“*frēomægum feor*”) человек (A Collection of Anglo-Saxon Poetry..., 1842, p. 286-288).

Душевные терзания изгоев передаются также лексемами *wērigmōd* («павший духом»), *hēan* («печальный, подавленный, обеспокоенный») (Bosworth, Toller, 1921, p. 1208, 520), различными словосочетаниями, как то: *bitter in breost-hord* «с горечью в сердце» или как в самых первых строках поэмы “The Seafarer” странник говорит, что испытал много сердечных мук, горьких переживаний (“*bitre breostceare gebiden hæbbe*”) (A Collection of Anglo-Saxon Poetry..., 1842, p. 306).

Кроме того, изгой характеризуется не только как несчастные, страдающие, но и лишенные всего, жалкие, бедные, бедствующие (“*poor, having few things*”) люди, что отражено в семантике используемых в текстах древнеанглийских лексем *earm*, *feasceaftig* (A Collection of Anglo-Saxon Poetry..., 1842, p. 307).

Характерные признаками изгоя являются также его, во-первых, физическая усталость, изможденность, на что указывает появление в исследовательском пространстве текстов лексемы *wērig* («утомленный, изнуренный физически») (Bosworth, Toller, 1921, p. 1208), и, во-вторых, одиночество, что отражено в семантике использованных в поэме “The Seafarer” лексических единиц *wine-lēas* и *frēond-lēas*, словосочетаний *frēomægum feor* и *winemægum bidroren* со значением «лишенный друзей и родственников» (A Collection of Anglo-Saxon Poetry..., 1842, p. 306).

Действительно, из материалов судебныхников становится понятно, что было запрещено оказывать какую-либо помощь «изгнанникам» и «внезаконникам» (титуты 13, 15, 67 законов Кнута Великого), в противном случае следовало соответствующее наказание. Так, законы короля Кнута запрещали укрывать изгоев (*Godes-flyman*) и людей, «объявленных вне закона» (*amansodne oðð utlahne*), под страхом выплаты штрафов:

Cnut, 67: *Gif hwa Godes-flyman hæbbe on unriht agife hine to rihte 7 forgylde ðam ðe hit gebyrige, 7 gylde ðam cyningce be his were-gilde. Gif hwa amansodne oðð utlahne hæbbe 7 healde plihte him sylfum 7 ealre his are* (Ancient Laws..., 1840, p. 410-411). / Если кто незаконно имеет (укрывает) изгоя (преступника перед Богом), то пусть отдаст его правосудию и воздаст тому, кому причитается, и заплатит королю его вергельд. Если кто-нибудь имеет и удерживает отлученного от церкви или преступника, пусть (он тогда) подвергает опасности себя и все свое имущество.

Законами короля Альфреда (IX-X вв.) также запрещалось укрывать изгнанников (*wrecceña*), особенно если это касалось короля и покушения на его жизнь, наказание в таком случае было более суровое:

Alfred, 6: *Gif hwa ymb cyninges feorh sierwie ðurh hine, oððe ðurh wrecceña feor-munge, oððe his manna, sie he his feors scyldig 7 ealles ðæs ðe he age* (Ancient Laws..., 1840, p. 63-64). / Если кто-либо замышляет заговор против жизни короля, либо укрывая изгнанников, либо его людей; пусть он будет ответственен своей жизнью и всем, что он имеет.

Как следует из анализа текстов, изгои осознают неизбежность своей участи, безвыходность положения, в связи с чем испытывают разные негативные эмоции, чувства: др.-англ. *earfoþe* («боль»), *langoþ* («недовольство»), *mōdcearu* («печаль»), *sorh* (*sorg*) («беспокойство») и *sin-sorh* («постоянные несчастья»). И все же изгнанники пытаются противостоять судьбе (др.-англ. *wyrd*) и преодолеть выпавшие на их долю трудности (др.-англ. *wearn*): в текстах встречаются словосочетания *wyrd wiðstondan* и *wearn oferwunnen* соответственно.

Концептуализация изгнания как формы наказания, подразумевающей потерю имущества, статуса, прав, друзей и родных, обрекающей на страдания, долгие странствия и лишения, предполагает также формирование некоего представления о том, куда могли в таком случае быть изгнаны преступники и какие обстоятельства этому сопутствовали. Оказавшись вне общества, изгнанники начинали искать себе пристанище где-то вдали от дома, родины (др.-англ. *eðel*), что очень абстрактно обозначено в текстах словосочетаниями *wræccan lastum*, *wræclast* («путь изгнанника»), *wræcsiþ* («странствия изгнанника»), *wid-lastum* («долгое путешествие»), *elþeodigra eard* («чужие земли»), *ellor londes* («в другой стране»), например: *Hē wræclāstas træd* (Beowulf). / «Он тропой изгнанников шел» (Беовульф, строка 1352); *...þær ic wēpan mæg mīne wræcsiþas* (The Wife's Lament) (A Collection of Anglo-Saxon Poetry..., 1842, p. 443). / «...там я могу оплакать свои путешествия в изгнании».

Как правило, убежище для изгоев находилось где-то далеко за морем, о чем говорит наличие в текстах многочисленной и разнообразной лексики, описывающей водное пространство: *mere-flōd* («водоём, поток, океан»), *ofer yþa*, *ofer wapeta* («по морю/волнам»), *ofer hwæles eþel* («по тропе кита»), *mætre beflōwen*, *iscealdne sæ*, *brim-lād* («морской путь»), *on flodwegas* («морские пути»), *mereflode* («открытое/глубокое море»), *mere*, *geond lagu-lād* («другой водный путь»), *sealte strēamas* («соленые воды/море»), *hlimman sæ* («рев моря»). Вынужденные странствия изгоев по морю проходили, конечно же, в суровых климатических условиях, что вербализовано номинациями *calde* («холодный») или *iscald* («холодный как лед»), *forste* («мороз»), *isigfeþera* («покрытый льдом»), *hægl* («град»), и заканчивались где-то на острове – др.-англ. *on iege*, *eglonð*, *holm*.

В материале источников упоминаются и другие возможные пристанища изгнанников: леса (в лесистой местности – *on wuda bearwe*, под деревьями – *āc-trēo*) и пещеры (др.-англ. *eorþ-scræf*), ямы в земле (др.-англ. *eorþ-sele*). В поэме “The Wife's Lament” можно найти весьма характерное описание жилища изгоя, называемого не иначе как *dreōr-sele* (“a dreary, desolate-looking hall”) (Bosworth, Toller, 1921, p. 212) и показанного как мрачное, унылое место печали (A Collection of Anglo-Saxon Poetry..., 1842, p. 444).

Таким образом, анализ текстов древнеанглийских памятников дает нам представление о выработанных культурных паттернах поведения, отклонение от которых могло привести к низведению представителя любого класса англосаксонского общества до положения «изгнанника», человека или существа, лишённого всех прав и свобод («внезаконника»), порой даже человеческого облика, обреченного на душевные и физические муки, одиночество и скитания.

Изгнание или высылка из королевства, зародившиеся в англосаксонский период и в известной степени отождествлявшиеся с «объявлением вне закона», сохранялись в Англии на протяжении всего Средневековья. Практика изгнания как формы наказания становилась возможностью избежать смертной казни, применялась при нормандских и анжуйских королях. Из трактата Генри Брактона «О законах и обычаях Англии» (XIII в.) очевидно, что со временем стали разделять три вида изгнания: или выдворение из определенного места (провинции, города, деревни) навсегда или на определенный срок в зависимости от тяжести совершенного преступления; или же изгнание за преступление и лат. *lata fuga* «бегство из отечества куда угодно», выдворение отовсюду, кроме некоторых мест, навсегда; или высылка на остров, пожизненно или на определенный срок, которые как раз можно считать изгнанием с лишением права возвращения (ближе к «объявлению вне закона») (Хатунов, 2010, с. 60). Что касается эволюции лексического значения номинации *wretch*, то, в отличии от др.-англ. *wræcca* «негодяй, чужак, изгнанник» (от прагерм. **wrakjon* «тот, кого преследуют»: др.-в.-нем. *reckeo* «изгнанник»), оно утратило актуальное в прошлом значение «изгнанник» и стало использоваться для обозначения любого несчастного или подлого человека (Online Etymology Dictionary).

Заключение

Анализ текстового материала при сравнении древнеанглийского героического эпоса, произведений лирической поэзии, судебников королей и англосаксонской хроники позволяет сделать вывод о том, что англосаксонским обществом VII–XI вв. были выработаны культурные паттерны поведения, вольное или невольное отклонение от которых могло повлечь за собой суровое наказание. Замена смертной казни за совершенное деяние альтернативными формами ответственности, в том числе изгнанием, «объявлением вне закона», отражает процесс развития сферы социально-правовых отношений у германских народов и общую тенденцию «смягчения» наказания.

Несомненно, необходимость в языковых средствах выражения всех составляющих практики изгнания и высылки из королевства, включая лингвистические знаки-номинации самого действия по исключению индивида из социальных связей, непосредственно человека-изгоя, его характеристик (признаков), мест и обстоятельств его странствий, свидетельствует об особой значимости концепта ИЗГНАНИЕ в англосаксонской лингвокультуре VII–XI вв.

В результате анализа семантического наполнения отобранных лексем и их контекстных связей раскрыто понятийное содержание концепта ИЗГНАНИЕ, представляющее собой систематизацию его важнейших признаков: наказание, лишение прав и свобод, потеря человеческого облика, страдание, одиночество, странствия, жалкое существование.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в рассмотрении феномена изгнания на более широком материале, как универсального явления, представленного в языке и праве не только англосаксов.

Источники | References

1. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2020.
2. Карасик В. И. Концептуализация и символизация льда в русской и английской лингвокультурах // *Фундаментальные ценности языка и культуры: к 60-летию доктора филологических наук, профессора Сергея Геннадьевича Проскурина*: сб. статей / отв. ред. А. В. Проскурина. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2023.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
5. Комкова А. С. Семиотическое ослабление древнеанглийской правовой лексики (на материале текстов памятников VII–XI вв.): автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2016.
6. Комкова А. С. Феномен семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультуре VII–XI вв. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017.
7. Комкова А. С., Проскурин С. Г. Концептуализированные словесно-предметные области как отражение семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультурной традиции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11-2 (77).
8. Ошонков А. С., Ковин В. С. «Жил до седин, не убит и не изгнан»: практика «объявления вне закона» и феномен изгнания в норвежском и исландском обществах VIII–XIII вв. // *Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum*. 2014. № 1 (10).
9. Поляков С. А. Политика королевской власти по отношению к церкви по материалам «Законов короля Кнута» // *Проблемы истории и культуры средневекового общества: мат. XXXIV всерос. науч. конф. «Курбатовские чтения»* (г. Санкт-Петербург, 25–28 ноября 2014 г.). СПб.: Свое издательство, 2016.
10. Проскурин С. Г. Семиотика и информация. Фрактальный образ мира // *Фундаментальные ценности языка и культуры: к 60-летию доктора филологических наук, профессора Сергея Геннадьевича Проскурина*: сб. статей / отв. ред. А. В. Проскурина. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2023.
11. Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Лингвосемиотические типы концептуализаций в языке и культуре // *Сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова* / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018.
12. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.
13. Соснина А. А. Этимологический анализ русск. пуст- и англ. emprt- на фоне их идеосемантической актуализации в художественных текстах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2016.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
15. Фещенко В. В. К истокам русской концептологии: от Ю. С. Степанова к С. А. Аскольдову // *Вопросы филологии*. 2010. Вып. 3 (36).
16. Хатунов С. Ю. Изгнание из королевства как уголовное наказание в средневековой Англии // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2010. № 2.
17. Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам: к проблеме формирования английского народа. М.: Наука, 1988.

Информация об авторах | Author information**RU****Комкова Анастасия Сергеевна¹**, к. филол. н., доц.
Аникина Анна Александровна², к. филол. н.^{1,2} Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)**EN****Komkova Anastasiya Sergeevna¹**, PhD
Anikina Anna Aleksandrovna², PhD^{1,2} Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering¹ raykova88@mail.ru, ² anna.sosn@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 06.09.2023; опубликовано online (published online): 30.10.2023.

Ключевые слова (keywords): концепт; практика изгнания и «объявления вне закона»; древнеанглийская правовая лексика; древнеанглийский язык; англосаксонская культура; concept; practice of exile and banishment; Old English legal vocabulary; Old English; Anglo-Saxon culture.